

ВР. *Відомості Верховної Ради України*. 1994 р. № 30. Ст. 283

10. Девяткіна С.С. Альтернативні джерела енергії : навчальний посібник / С.С. Девяткіна, Т.Ю. Шкварницька. Київ : НАУ, 2006. 92 с.

11. Кудря С.О. Нетрадиційні та відновлювані джерела енергії : підручник. Київ : НТУУ «КПІ», 2012. 492 с.

12. Поновлювані джерела енергії : навчальний посібник / М.І. Сиротюк; ред. С.І. Кукурудза ; Львівський національний ун-т ім. Івана Франка. Львівський : ВЦ ЛНУ ім. І.Франка, 2008. 248 с.

13. Синеглазов В.М. Відновлювальна енергетика: навчальний посібник / В.М. Синеглазов, О.А. Зеленков, Ш.І. Аскеров, Б.І. Дмитренко. Київ : НАУ, 2015. 278 с.

14. Еколого-економічна оцінка заміщення невідновлюваних енергоресурсів біологічно відновлюваними : монографія. Львів : ЗУКЦ, 2010. 211 с.

15. Статут Міжнародного агентства з відновлювальних джерел енергії (IRENA) : міжнародний документ від 26 грудня 2009 року № 995_j02. *Офіційний вісник України*. 2019. №7. Ст. 247.

16. Директива Європейського Парламенту та Ради 2009/28/ЄС від 23 квітня 2009 року «Про заохочення до використання енергії, виробленої з відновлюваних джерел та якою вносяться зміни до, а в подальшому скасовуються Директиви 2001/77/ЄС та 2003/30/ЄС». *Офіційний вісник Європейського Союзу*. 2009. URL: http://sae.gov.ua/documents/dyrektyva_2009_28.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Желиховский Владислав Вячеславович – аспирант кафедры публичного управления и администрирования Национальной академии внутренних дел;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhelikhovskiy Vladislav Vyacheslavovich – Postgraduate Student of the Department of Public Management and Administration of the National Academy of Internal Affairs;

zhelih@ukr.net

УДК 340.15 (94)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВКЛЮЧЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1714–1818 ГГ.)

Александр ИВАНОВ,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Национальной академии Службы безопасности Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные аспекты историко-правовой реальности XVIII – начала XIX вв., связанные с включением территории Казахстана в состав Российской империи. Особое внимание уделяется анализу этих процессов сквозь призму системы международных отношений рассматриваемого периода, в частности через становление российской экспансионистской идеологии. Показаны также особенности юридического сопровождения подготовительного этапа захвата казахских жузов и их последующего включения в состав России.

Ключевые слова: Казахстан, Российская империя, жузы, экспансия, методы деятельности.

POLITICAL AND LEGAL PRECONDITIONS OF THE KAZAKHSTAN INCORPORATION INTO THE RUSSIAN EMPIRE (1714–1818)

Aleksandr IVANOV,

PhD in Law,

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the National Academy of the Security Service of Ukraine

SUMMARY

The article deals with various aspects of the historical legal realities of the XVIII – XIX centuries concerning incorporation the territory of Kazakhstan into the Russian Empire. Special attention is drawn to the analysis of those processes within the paradigm of the system of international relations of the examined period especially throughout the principles of the Russian expansionist ideology. There are also listed peculiarities of the legal providing of the preparatory stage of the Kazakh juzes capture and their incorporation into the Russian Empire.

Key words: Kazakhstan, the Russian Empire, juzes, expansion, methods of activities.

Постановка проблемы. Российский экспансионизм с эволюционной точки зрения – явление комплексное, которое базируется на мощном идеологическом базисе, начавшемся формироваться с середины XV в. Именно в это время московский царь Иван III, женившийся на племяннице последнего византийского императора Михаила Палеолога Софье, провозгласил себя его наследником, а Москву – правопреемницей Константинополя. Таким образом, началось формирование концепции «Москва – Третий Рим», ставшей определяющей при формировании экспансионистской идеологии московского государства. К началу XVIII в. сформировались и получили апробацию в политической практике её

основные постулаты. Квинтэссенцией почти трёхсотлетнего процесса становления российского экспансионизма стало время правления Петра I, коронованного в 1721 г. в качестве императора с титулами «великий» и «отец отчизны» [7, с. 47]. Именно при Петре сформировались те основы геополитического курса российского государства (отныне под названием Российской империи), из которых исходили его преемники, выстраивая стратегии расширения своих государственных владений. Одним из стратегических экспансионистских проектов царизма в это время стало покорение территории современного Казахстана.

Историография проблемы. Исследования предпосылок включения

Казахстана в состав Российской империи, по сути, начались ещё непосредственно со времён их формирования, когда излагались результаты первых российских экспедиций в казахские степи. Университетская наука Российской империи не наработала существенного историографического массива по исследуемой нами тематике, а в основном в этих вопросах была направленной на обеспечение ассимиляторских устремлений политики правительства относительно казахов. Наиболее пространное изучение колониальная политика царизма в казахских, киргизских и кайсацких степях получила в советский период. При этом все выводы советской историографии основаны на источниковедческой базе дореволюционных работ. Примечательно, что труды советских учёных, написанные до Второй мировой войны, отличаются ярко выраженной критикой захватнической политики царизма. В то же время, на фоне политики «дружбы народов» в работах с конца 1950-х гг. и практически до начала 1980-х гг. превалирует восхваление «прогрессивного» значения включения «пограничных земель» (в том числе и казахских) в состав Российской империи и, соответственно, «благих» намерений последней при осуществлении захватнической политики. Несмотря на наличие ряда работ по заявленной тематике статьи, вопросы политико-правовой оценки предпосылок включения Казахстана в состав Российской империи остаются в большей мере нерешёнными.

Цель и задачи статьи. Исходя из вышеизложенного, целью статьи является определение перечня предпосылок политико-правового характера, способствовавших беспрепятственному захвату казахских территорий Российской империей. Определённые нами хронологические рамки темы статьи охватывают период от времени отправки Петром I первой экспедиции в казахскую степь (1714 г.) и до нормативного оформления включения Старшего Жуза¹ в состав Российской империи (1818 г.).

¹ Жуз – административное образование в военно-политической организации казахов. В XVII в. Казахское ханство, существовавшее с середины XV в., под влиянием внешнеполитических факторов распалось на три жуза – Младший, Средний и Старший. В официальных документах Российской империи в качестве синонима жуза использовалось понятие «орда» (по аналогии с Золотой Ордой).

Поставленная цель статьи предполагает решение следующих задач: определение стратегического значения казахских степей для Российской империи; характеристика экспансионистской политики России в отношении Казахстана в общем контексте её внешнеполитического курса; освещение особенностей подготовительной деятельности Российской империи по организации экспансии в казахских степях, а также её юридического обеспечения.

Изложение основного материала. Начало непосредственного присоединения Казахстана к Российской империи относится ко времени правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740), когда внешнеполитический курс России уже твёрдо базировался на заложенных Петром I принципах. Так, в 1731 г. было документально оформлено принятие Младшего Жуза в состав Российской империи, а уже в 1740 г. – Среднего. Старший Жуз был присоединён лишь в 1818 г. – в разгар активного расширения российских границ, именуемого в современной западной историографии политикой «молниеносной экспансии». Однако же эти территории не раз становились объектами российских геополитических интересов ещё задолго до официального присоединения. Декларируя необходимость «укрепления границы», Россия стремилась заполучить выход к Каспийскому морю. Главным препятствием на пути к этой цели как раз и были казахские жузы.

Поскольку первые активные действия по включению территории современного Казахстана в состав России пришлось на времена провозглашения её империей, то в этом контексте, в первую очередь, подлежит рассмотрению сущность российского империализма и имперской политики. При этом стоит принимать во внимание тот факт, что предшествовавшее Российской империи Московское царство, по оценкам специалистов, также отличалось признаками имперского государства: стремления к покорению и присоединению новых территорий были известны здесь уже давно [6, с. 32]. Однако же в петровские времена качественно изменились методы и средства реализации этой политики. Все территории, ранее представлявшие стратегический

интерес для царского правительства (в том числе и Казахстан), подвергались тщательному предварительному изучению путём «экспедиций» и последующему захвату и присоединению.

В этих условиях новое звучание приобрела ранее известная концепция «Москва – Третий Рим», создавшая основу российской экспансионистской идеологии. Основание Санкт-Петербурга как новой столицы было весьма символичным в этом контексте, поскольку даже название города было созвучным с наименованием собора святого Петра – главного собора в Риме [4, с. 92]. Также по аналогии с Римом в центре города был расположен одноимённый собор. При этом сменилось соотношение государства и церкви, а также идеологическое наполнение сущности государственной службы. Так, государственная идеология ставилась выше, нежели церковная, призванная служить реализации задач первой, а не определять её сущность. Служение Отечеству при осуществлении государственной службы приравнивалось к служению Богу, влекущему за собой спасение человеческой души. Если ранее статусом богоизбранного обладал лишь царь, то теперь это распространялось и на весь чиновничий аппарат. Соответственно, все действия государственных служащих (в том числе и на международной арене) рассматривались как изначально одобренные Богом и совершённые по божьему благословению.

Для понимания предпосылок включения казахских территорий в состав Российской империи важно учитывать сущность этого государственного образования. Прежде всего, следует отметить, что запущенный Петром I комплекс преобразований в разных сферах модернизировал государство лишь внешне, оставляя его феодальным по сути и далёким от уважения к общепризнанным принципам международных отношений. Американские политологи Тилли и Эванс разработали концепцию «государства-грабителя», исходя из обобщения опыта существования западноевропейских феодальных государств [8, с. 234]. Согласно этой концепции, механизм средневекового государства Западной Европы может быть соотнесён со структурой и сущностью организованной пре-

ступной группы. Во главе государства стояла господствующая элита, стремившаяся заполучить в своё распоряжение как можно большее количество ресурсов. Эти ресурсы, использование которых предусматривалось в интересах правящей элиты, взимались у подвластных им непривилегированных слоёв общества. Соответственно, как утверждают авторы рассматриваемой концепции, верховным правителем государства становилось лицо, имевшее накопленный опыт организации насильственных действий с целью взимания ресурсов у низших слоёв общества, которое могло бы применять этот опыт, находясь при власти. Очевидно, что сложившаяся в России к началу XVIII в. «дворянская монархия» подходит под описание предложенной выше концепции. Так, например, согласно указу Петра I 1700 г. была установлена государственная монополия на торговлю лекарственными растениями: заготовленное сырьё взималось у низших слоёв населения, а вся прибыль от его реализации шла в царскую казну. Ещё одним ярким примером в этом контексте является царский указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществях» (март 1714 г.) [4, с. 112], скрыто дававший дворянам право приобретать в качестве наследства любое имущество независимо от способа его обретения, в том числе и путём захвата (что и происходило в дальнейшем на присоединённых к России казахских территориях).

Выше показано, что строй Российской империи схож с моделью, описанной в концепции «государства-грабителя». Поэтому она может быть применима для характеристики развития России в рассматриваемый период. В то же время для более эффективного её использования в контексте анализа российской внешней политики (в том числе экспансионистской) она нуждается в дополнении и конкретизации. На наш взгляд, исходя из исторических реалий исследуемого периода, описанная выше концепция может быть дополнена следующими положениями. Во-первых, поскольку господствующая верхушка ставила перед собой цель постоянного взимания ресурсов для своих целей, это приводило к необходимости поиска всё новых и новых источников этих ресурсов. При этом должна

была быть возможность использования этих ресурсов при минимальных затратах человеческих, временных и материальных средств.

Во-вторых, с целью обеспечения доступа к желаемым ресурсам, их изъятия и использования предполагалась разработка и реализация соответствующих стратегий, дающих возможность оптимизировать необходимые усилия. С этой целью Пётр I проводил особую политику по привлечению иностранных специалистов на российскую службу. В-третьих, наконец, воплощение этих стратегий в масштабах государства вместе с необходимостью влекло за собой совершение экспансии с целью присвоения ресурсных баз и установления своего контроля над ними. Под экспансией здесь понимается распространение военного, экономического и культурного влияния государства на определённую территорию, имеющее конечной целью её оккупацию и присоединение. Средства, с помощью которых распространяется это влияние, выбираются таким образом, чтобы обеспечить предпосылки для максимально быстрого и беспрепятственного включения оккупированной территории в состав государства-оккупанта.

Хотя факты российского присутствия на казахских территориях фиксировались ещё с XV в., всё же начало активной фазы экспансии пришлось на времена Петра I. В истории России он в основном характеризуется не иначе как царь, «прорубивший окно в Европу», привнесший элементы западной культуры в российский быт тех времён. Вместе с тем, в его внешней политике одно из важных мест занимало азиатское направление. В качестве одного из ключевых постулатов российской геополитической стратегии именно в это время утвердилась «защита границ», предполагающая возможность захвата приграничных народов, якобы препятствующих безопасному существованию России. К числу таковых, в частности, относились народности, проживавшие в киргизских и туркменских степях. По выражению историков, Пётр искал «ключ и врата» к этим степям, на роль которого идеально подходили казахские степи ввиду как территориальной близости, так и сходства проживающего в них населения

с киргизами и туркменами [3, с. 282]. Территории последних граничили с Индией, только что ставшей в 1707 г. колонией Великобритании. В русско-английских отношениях на тот момент важное место отводилось колониальному соперничеству, и среди важнейших задач во внешнеполитическом курсе России было утверждение своего влияния в Индии для установления контроля над торговлей во всей Средней Азии. Поэтому занятие казахских степей, а потом и киргизских и туркменских, открывало бы российской армии путь к захвату Индии.

Сама по себе территория современного Казахстана также являлась стратегически важной для Российской империи. В частности, речь шла о реках Амударья и Сыр-Дарья и о «золотых песках» их берегов. Помимо намыва золота в долинах этих рек, бывшего традиционным промыслом калмыков, россияне замыслили масштабный проект по обустройству плотины для соединения Амударья с Каспийским морем. Считалось, что таким образом можно было наиболее беспрепятственно поставлять товары на крупные среднеазиатские рынки. Вместе с тем, регион Средней Азии Пётр I рассматривал как бесплатный источник экзотических зверей и птиц, которых можно было бы использовать в качестве даров другим монархам. Наконец, усилившееся внимание к особенностям общественного строя и общинного земледелия в казахских, киргизских и туркменских степях свидетельствовало об интересах России к занятию их плодородных земель.

Ввиду столь важного стратегического значения казахских территорий для российского государства, по инициативе царя в этот регион стали направляться специальные экспедиции для более подробного изучения местных условий [2, с. 60–67]. Первой крупной экспедицией, направленной по царскому указу 1714 г., было посольство в Хиву под проводом А. Бековича-Черкасского. Это был обращённый в христианство кабардинский мусульманин, завербованный на российскую государственную службу. Среди задач, поставленных экспедиции Петром I, были как весьма тривиальные (выяснить местонахождение русла реки Амударья, совершить детальное описание пути в Индию через эту реку

с составлением карт и планов местности, при этом выясняя возможное наличие лучшего пути), так и открыто агрессивные, экспансионистские (склонить к «верности и подданству» жителей Хивы и Бухары, захватить хивинские торговые суда). При этом царь отдельно отметил, что в случае неповиновения местного населения членам экспедиции разрешено применять силу в любом объёме. Для выполнения указанных задач в распоряжение капитана А. Бековича-Черкасского был выделен военный отряд в составе 1760 человек и деньги в размере 5000 рублей. Предварительно проведение этой экспедиции было согласовано царским правительством с Хивинским ханством, занимавшим на то время доминирующее положение в среднеазиатском регионе. Получив заверения в безопасности и обещания всестороннего содействия, российская экспедиция начала свой путь в мае 1715 г. (по другим данным – в январе 1716 г.). Практически сразу отряд Бековича-Черкасского начал заниматься насильственным захватом местных земель и торговых путей, а также грабежами местного населения. Такое поведение членов «экспедиции» вызвало вооружённое сопротивление со стороны ойратов, населявших Джунгарское ханство, в ходе противостояния которым погибла значительная часть россиян, в том числе и их глава.

Тем не менее, часть поставленных царским правительством задач эта экспедиция всё же выполнила. Так, была составлена первая в России подробная карта Каспийского моря, благодаря чему стало известно, вопреки существовавшему у россиян представлениям, реки Амударья и Сыр-Дарья не впадали в него. Это существенно подмывало российские планы по взятию под контроль среднеазиатского рынка и захвату Индии. Вместе с тем, на выполнение распоряжения царя по обустройству военных укреплений на каспийских берегах с целью склонения Хивинского ханства «к верности и подданству» были заложены крепость Святого Петра и укрепление Александровское, а также крепость в направлении Астрахани. Вместе с тем, русские солдаты начали самовольно собирать дань с жителей этого города, что спровоцировало начало подготовки к восстанию.

В ходе этого восстания 1717 г. как раз и наступил крах русской экспедиции, а уцелевшие представители её доставили на родину составленные карты местности.

Одновременно с экспедицией капитана А. Бековича-Черкасского действовали и другие – как в частном порядке, так и от имени государства. Самой известной из них была экспедиция подполковника И. Бухгольца, созданная в соответствии с царским указом от 22 мая 1714 г. «О походе в Калмыцкую землю на реке Дарье, для покорения тех мест, где добывают золото». Основной задачей, стоявшей перед экспедицией, было основание города на подконтрольном калмыкам Ямышевом озере близ реки Иртыш для обустройства позиций с целью дальнейшей оккупации этих земель. Само по себе это озеро являлось источником добычи высококачественной белой соли, что, несомненно, также представляло значительный интерес для россиян. В целом экспедиция продлилась до лета 1716 г., и в ходе её царское правительство предпринимало попытки удовлетворения территориальных притязаний к государствам, находящимся в казахской степи. Так, например, 27 февраля 1715 г. от имени Петра I и сибирского губернатора М. Григорьева был направлен ультиматум Джунгарскому ханству с требованием о признании своих приграничных территорий российскими. Для воплощения положений этого ультиматума в жизнь как раз и были использованы силы отряда подполковника И. Бухгольца. После занятия необходимых территорий отряд по заданию правительства взял под свой контроль источники добычи железных, золотых и серебряных руд. Далее, к лету 1716 г., последовало царское указание склонить к принятию присяги на верность Российской империи джунгарского хана (хунтайши). Начавшиеся акции по внедрению его в жизнь вызвали волну протестов местного населения, в результате которых большинство солдат оккупационной армии погибли, как и отряд А. Бековича-Черкасского.

Попытка восстановить заложенные вышеописанными экспедициями укрепления была предпринята отрядом полковника Ступина в 1717 г. Целью её было закрепить российское присут-

ствие в регионе. После разгрома отряда И. Бухгольца джунгары разрушили ряд заложенных им крепостей, предназначенных для базирования российского военного контингента. Целью экспедиции Ступина как раз и было восстановление главнейших из них (в частности, на Ямышевом озере). Последующие экспедиции имели целью лишь обустройство новых укреплений, но ни они, ни отряд Ступина открытые карательные акции среди местного населения уже не производили. В то же время царское правительство строило планы по покорению Джунгарского ханства как главного препятствия на пути к установлению контроля в среднеазиатском регионе. Поэтому временное затишье, воспринятое джунгарами как мир, использовалось Россией для подготовки к активным захватническим действиям.

В освоении Россией новых территорий важное место всегда занимала пропаганда. Это, в частности, касается и научных описаний российской экспансии в разных регионах. Так, например, ещё начиная с университетской науки Российской империи, всегда подчёркивалось прогрессивное значение присоединения тех или иных территорий к российскому государству [9]. Относительно Казахстана эти тенденции прослеживались ещё непосредственно в риторике самого царского правительства времён включения казахских жузов в состав империи. В частности, как чиновники, так и учёные акцентировали внимание на том, что якобы существовавший в казахских степях кочевой родоплеменной строй мог быть преобразован в полноценную государственную систему только благодаря российскому влиянию. Дескать, только полная отмена традиционной казахской системы землеустройства и распространение на эту территорию общероссийского помещичьего землевладения (вместе с дворянскими титулами для представителей местной знати) способствовали прогрессивному социально-экономическому развитию Казахстана. При этом решениям царского правительства касательно вышеуказанных вопросов предшествовали подробные исследования особенностей казахского родового и земельного уклада русскими учёными. Помимо того, что логика их исследований была

построена таким образом, дабы продемонстрировать «несостоятельность» казахского уклада, приведённые в них данные использовались чиновниками при разработке механизмов крушения традиционного казахского строя (позволяли выделить цели для первоочередного «поражения»).

Эти и некоторые другие послы также эффективно служили имперским пропагандистам при формировании в сознании казахов образа «России-освободителя». Среди прочего, научные труды вплоть до середины XX в. были наполнены сравнениями российской колониальной системы с зарубежными аналогами. В частности, речь шла о латиноамериканских и африканских колониях, подвластных Испании, Португалии, Голландии, Франции и Англии. В этом контексте основные аргументы пропагандистов сводились к тому, что названные метрополии якобы занимались лишь истреблением коренного населения и безнаказанной эксплуатацией природных ресурсов в своих колониях, чего, мол, нельзя сказать о России [1, с. 108]. По мнению этих специалистов, целью колониальной политики Российской империи было осуществление провозглашённой Екатериной II «цивилизационной миссии» по «освобождению» и «улучшению» условий жизни «малых народов». При этом не принимается во внимание существенное отличие между русским и западным подходом к колонизации. Так, английский историк-компаративист Д. Ливен отмечает, что общей тенденцией, приведшей к упадку Российской и Османской империй, был недостаточный учёт национальных особенностей присоединённых территорий при построении внутренней политики [5, с. 31]. В целом же, на наш взгляд, противопоставление российской колонизации западным аналогам не является корректным ввиду того, что при всех ущемлениях населения Африки и Америки, осуществляемых западноевропейскими завоевателями, оно не подвергалось целенаправленной национальной ассимиляции. В случае же с Россией как раз это и являлось одной из главнейших задач экспансии. Так, казахи, как один из «малых народов» Российской империи, подлежали постепенному и полному «ненавязчивому обрусению», как это происходило

в то же время и с украинцами, и с крымскими татарами, и с грузинами. Показательно, что в текстах царских грамот, предоставленных казахским жузам при вхождении их в состав России, в противовес казахским народам содержалось словосочетание «природные подданные» (то есть россияне).

Выводы. Исходя из вышеизложенного, очевидно, что присоединение Казахстана к России осуществлялось в общем контексте экспансионистских устремлений Российской империи. Внешнеполитический курс последней основывался на выработанном на протяжении столетий идеологическом базисе, предполагавшем противопоставление российского государства всей системе международных отношений и, соответственно, международного правопорядка. Важное стратегическое значение казахских территорий для России состояло в их ресурсной базе (реки Амударья и Сыр-Дарья, золотые пески), выходных позициях для торговли в Средней Азии, а также нахождении на пути в Индию как ещё один стратегически важный регион. Направленные согласно царским указам в казахские степи, экспедиции А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца, бывшие одновременно, по сути, и карательными отрядами, наткнулись на острое сопротивление со стороны местного населения, однако смогли заложить ряд военных укреплений, необходимых для дальнейшего захвата территорий, а также добыть важные географические сведения для будущей экспансии в восточном направлении. Наконец, непосредственное присоединение казахских жузов к Российской империи во многом состоялось успешно благодаря пропагандистской идеологической работе царской администрации, представившей свои акции как «благо» для присоединяемых территорий. Дальнейшая перспектива исследований по заявленной тематике может состоять в оценке действий Российской империи с точки зрения международного права того времени.

Список использованной литературы:

1. Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времён) / С.Д. Асфендиаров. Алма-Ата

Москва : Казахское краевое издательство, 1935 261 с.

2. Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века. *Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории)*. Алма-Ата : «Наука», 1969. С. 50–145.

3. Большая игра России на Востоке. 100 великих тайн Востока / Автор-сост. Н.Н. Непомнящий. Москва : Вече, 2013. С. 280–308.

4. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. Москва : Новое литературное обозрение, 1999. 328 с.

5. Макаренко В.П. Русский государственный разум с точки зрения османско-имперской компаративистики. *Проблемы всемирной истории: научный журнал*. № 1 (3). 2017. С. 30–51.

6. Норкус З. Непроголошена імперія: Велике князівство Литовське з погляду порівняльно-історичної соціології імперій. Київ : Критика, 2016. 440 с.

7. Плохий С. Загублене царство. Історія «Русского мира» з 1470 року до сьогодні. Харків : Фоліо, 2019. 308 с.

8. Фукуяма Ф. Витоки політичного порядку. Від прадавніх часів до Французької революції. Київ : Наш формат, 2018. 576 с.

9. Шуховцов В.К. Письменные документы из города Туркестана. Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата : «Наука» КазССР. 1981. С. 164–191.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Александр Юрьевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Национальной академии Службы безопасности Украины;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanov Aleksandr Yuryevich – PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the National Academy of the Security Service of Ukraine;

historyoflaw@ukr.net